

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, № 3

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Бочарова Е. Н.</i> Основные исследовательские подходы к изучению составных пазовых орудий конца палеолита-неолита Евразии.....	7
<i>Марченко Д. В., Хаценович А. М., Рыбин Е. П., Гунчинсуре Б.</i> Распределение находок как отражение природных и культурных процессов (по материалам археологического горизонта 4 стоянки Толбор-4, Северная Монголия)	31
<i>Савельева А. С.</i> Элементный состав металла сопроводительного инвентаря из кургана № 4 могильника Утинка тагарской культуры (по материалам раскопок В. В. Боброва 1974, 1975 гг. в северной лесостепи)	47
<i>Тишкин А. А., Бондаренко С. Ю., Тишкин Ал. Ал. (мл.), Эрдэнэпурэв П.</i> Мемориальные комплексы древних кочевников Внутренней Азии: результаты и перспективы изучения.....	66

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Ерохина О. В., Захаров В. Ю.</i> «Строгое наблюдение или выселение?»: к вопросу о положении немцев в Петроградской губернии в 1914–1916 гг.	85
<i>Кобец О. В.</i> Новая экономическая политика против белорусизации в 1920-е гг.: Псковская губерния	103
<i>Смирнова Т. Б.</i> Народы Сибири, их численность и динамика в постсоветский период.....	121
<i>Уваров С. Н.</i> Брачное поведение удмуртов по данным микропереписи 1994 г.	142
<i>Черказьянова И. В.</i> Немецкие школы Санкт-Петербургской губернии (Ленинградской области) в XIX — первой трети XX в.: общие закономерности и особенности развития	155
<i>Чернышева Н. В., Ситникова Е. А., Ажигулова А. И.</i> Этнические меньшинства на территории Сибири и Дальнего Востока в 1939–1959 гг.: основные тенденции воспроизводства	172

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Габдрахманова Г. Ф.</i> Образ ислама в официальной риторике и общественных представлениях: сопоставительный анализ на материалах Республики Татарстан	194
<i>Дашковский П. К., Шершнева Е. А.</i> Этнорелигиозный фактор в социально-экономической адаптации мусульманского населения Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в.	223
<i>Чеджемов С. Р.</i> Государственно-конфессиональные отношения на Кавказе в XIX — начале XX вв.	238

ДЛЯ АВТОРОВ	257
--------------------------	-----

CONTENT
NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA
2025 Vol. 30, № 3

Section I. ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Bocharova E. N.</i> The principal approaches to the study of composite slotted tools in the Late Paleolithic-Neolithic of Eurasia	7
<i>Marchenko D. V., Khatsenovich A. M., Rybin E. P., Gunchinsuren B.</i> Distribution of finds as a reflection of natural and cultural processes (evidence from archaeological horizon 4 of the Tolbor-4 site, Northern Mongolia)	31
<i>Savelieva A. S.</i> Elemental composition of the metal of the accompanying inventory from the burial mound No. 4 of the Utinka burial ground of the Tagar culture (based on the materials of the excavations of V. V. Bobrov in 1974, 1975 in the northern forest-steppe)	47
<i>Tishkin A. A., Bondarenko S. Yu., Tishkin Al. Al. (Jr.), Erdenepurev P.</i> Memorial complexes of ancient nomads of Inner Asia: results and prospects of study	66

Section II. ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Erokhina O. V., Zakharov V. Yu.</i> "Strict supervision or eviction?": toward a question of the situation of germans in Petrograd province in 1914–1916	85
<i>Kobets O. V.</i> New economic policy against Belarusization in the 1920s: Pskov province	103
<i>Smirnova T. B.</i> Nations of Siberia, their number and its dynamics in the post-Soviet period	121
<i>Uvarov S. N.</i> Marital behavior of the Udmurts according to the 1994 microcensus	142
<i>Cherkazyanova I. V.</i> German schools of St. Petersburg province (Leningrad region) in the XIX — first third of the XX century: general regularities and peculiarities of development	155
<i>Chernysheva N. V., Sitnikova E. L., Azhigulova A. I.</i> Ethnic minorities in Siberia and the Far East in 1939–1959: the main trends of reproduction	172

Section III. RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Gabdrakhmanova G. F.</i> The Image of Islam in Official Rhetoric and Public Representations: A Comparative Analysis Based on Materials from the Republic of Tatarstan	194
<i>Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A.</i> The ethno-religious factor in the socio-economic adaptation of the Muslim population of the Yenisei province in the XIX — early XX centuries	223
<i>Chedzhemov S. R.</i> State-confessional relations in the Caucasus in the nineteenth and early twentieth centuries	238

FOR AUTHORS	257
--------------------------	-----

УДК 903.5 (51)

DOI 10.14258nneur(2025)3–04

*А. А. Тишкин, С. Ю. Бондаренко, Ал. Ал. Тишкин (мл.), П. Эрдэнэпурэв**Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

МЕМОРИАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

В статье представлен краткий обзор начального опыта исследований широко распространенных мемориальных комплексов, оставленных древними кочевниками на территории Внутренней Азии. Обозначается необходимость продолжения специального изучения такого важного историко-культурного явления, в котором большое значение имели «оленные» камни. Дается определение понятия «мемориальный комплекс» в контексте особенностей выявленных и исследованных археологических памятников. Предложены варианты интерпретаций и первичной систематизации полученных данных. Приведены отдельные показательные примеры конкретных объектов, зафиксированных на территориях Монголии, Алтая и Тувы. Широкое распространение воинских мемориальных комплексов в рамках культуры херексуров и «оленных» камней позволяют реконструировать идеологию архаичной кочевой империи, существовавшей в конце II — первой трети I тыс. до н. э. Обозначены отдельные проблемы и перспективы изучения рассматриваемого типа археологических памятников. Отмечены пути их решения путем привлечения междисциплинарного подхода, геоинформационных систем и цифровых технологий. Такие исследования обеспечат необходимый информационный потенциал для понимания историко-культурной ситуации в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, древние кочевники, мемориальный комплекс, «оленные» камни, фотограмметрия

Цитирование статьи:

Тишкин А. А., Бондаренко С. Ю., Тишкин Ал. Ал. (мл.), Эрдэнэпурэв П. Мемориальные комплексы древних кочевников Внутренней Азии: результаты и перспективы изучения // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 3. С. 66–84. DOI 10.14258nneur(2025)3–04.

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии, главный научный сотрудник Отдела сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** tishkin210@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>.

Бондаренко Сергей Юрьевич, кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Адрес для контактов: bonsu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4295-4120>.

Тишкин Алексей Алексеевич (мл.), магистр археологии, лаборант-исследователь Отдела сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: mattcraft@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-2788-4824>.

Эрдэнэпурэв Пурэвдорж, магистр истории, аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: eegiip48@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9245-9692>.

A. A. Tishkin, S. Y. Bondarenko, Al. Al. Tishkin (Jr.), P. Erdenepurev

Altai State University, Barnaul (Russia)

MEMORIAL COMPLEXES OF ANCIENT NOMADS OF INNER ASIA: RESULTS AND PROSPECTS OF STUDY

The article provides a brief overview of the research experience of widespread memorial complexes left by ancient nomads in the territory of Inner Asia. It is said that it is necessary to continue studying this important historical and cultural phenomenon, in which the “deer” stones were of great importance. The definition of the concept of “memorial complex” is given in the context of the features of the identified and investigated archaeological sites. Variants of interpretations and primary systematization of the obtained data are proposed. Individual examples of the studied objects on the territory of Mongolia, Altai and Tuva are given. The widespread use of military memorial complexes within the framework of the Kherksur and “Deer” Stones culture makes it possible to reconstruct the ideology of the archaic nomadic empire that existed at the end of the II — 1st third of the I millennium BC. Some problems and prospects for studying this type of archaeological sites are outlined. The ways to solve them using an interdisciplinary approach, geoinformation systems and digital technologies are highlighted. Such researches will provide the necessary information potential for understanding the historical and cultural situation in the period under review.

Keywords: Inner Asia, ancient nomads, memorial complex, “deer” stones, photogrammetry

For citation:

Tishkin A. A., Bondarenko S. Yu., Tishkin Al. Al. (Jr.), Erdenepurev P. Memorial complexes of ancient nomads of Inner Asia: results and prospects of study. Nations and religions of Eurasia. 2025. T. 30, № 3. P. 66–84 (in Russian). DOI 10.14258nreur(2025)3–04

Tishkin Alexey Alexeevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Chief Researcher of the Department of Support for Research and Development Work of the Altai State University, Barnaul, Russia.

Contact address: tishkin210@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

Bondarenko Sergey Yuryevich, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Department of Support of Research and Development Work of the Altai State University, Barnaul, Russia. **Contact address:** bonsu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4295-4120>

Tishkin Aleksey Alekseevich (Jr.), Master of Archaeology, Research Assistant of the Department of Support for Research and Development Work of the Altai State University, Barnaul, Russia. **Contact address:** mattcraft@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-2788-4824>

Erdenepurev Purevdorzh, Master of History, Postgraduate Student of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of the Altai State University, Barnaul (Russia).

Contact address: eeglip48@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9245-9692>.

Введение

На территории Внутренней Азии известно более 1500 «оленных» камней. Они являются важными источниками, так как детально отражают культуру древних кочевников, проживавших в конце II — 1-й трети I тыс. до н. э. Эти своеобразные изваяния обнаружены в разных местах и давно рассматриваются исследователями, которые отметили их связь с конкретными археологическими объектами. Основная цель данной статьи — продемонстрировать роль и значение «оленных» камней в мемориальных комплексах для дальнейшего изучения этого важного историко-культурного явления (рис. 1). Такой подход обеспечит возможность для реконструкции военно-политического и социально-экономического уровня развития крупного кочевого объединения в конце периода поздней бронзы и в переходное время к раннему железному веку.

Вероятно, началом указанного направления можно считать публикацию А. М. Позднеева о результатах его поездок по Монголии, датируемых 1892–1893 гг. Среди отмеченных «оленных» камней особое внимание было уделено комплексу с семью изваяниями возле почтовой станции «Дагань-дэль» (рис. 1.-5) на юге Центральной Монголии [Позднеев, 1896: 228–231]. Этот крупный объект, названный херексуром, отличался формой и комбинацией составных частей от других погребальных объектов. Но главной особенностью являлось наличие «оленных» камней, которые, по мнению А. М. Позднеева [1896: 229], располагались над могилами и составляли два ряда. Представленные описания и фотографии изваяний дают возможность для сравнительного анализа современного состояния комплекса, который был обследован авторами статьи в 2023 г., что найдет отражение в отдельной публикации.

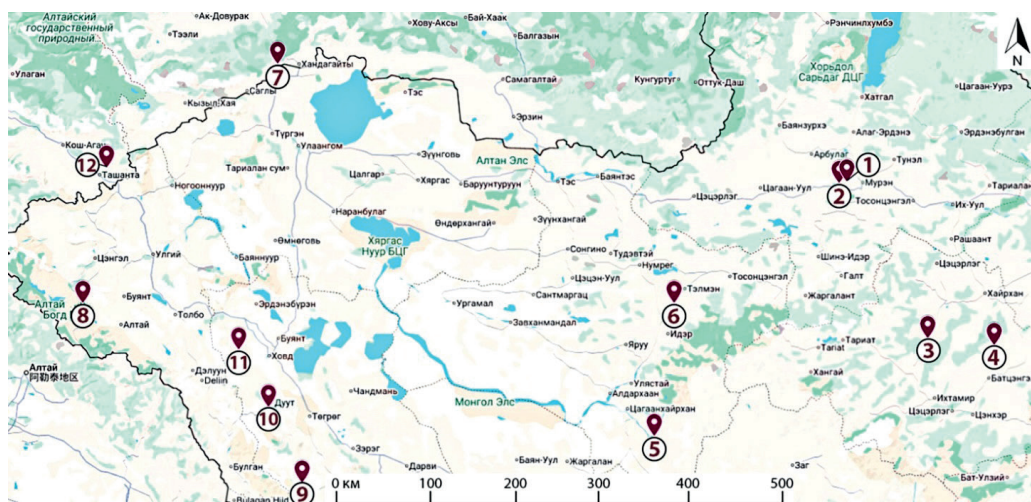

Рис. 1. Обследованные объекты на территории Внутренней Азии: 1 — Ушкийн-Увэр; 2 — Суртийн дэнж; 3 — Жаргалантын ам; 4 — Хушуун дэнж-04; 5 — Дааган дэл; 6 — Дунд шургахын ам; 7 — Ховужук-Аксы; 8 — Годон-гол; 9 — Нууртын дөв; 10 — Унхэлцэг; 11 — Давдаг хутул; 12 — Юстыдский комплекс

Fig. 1. The surveyed objects in the territory of Inner Asia: 1 — Ushkiyn-Uwer; 2 — Surtiyn denj; 3 — Jargalantyn am; 4 — Khushuun denj-04; 5 — Daagan del; 6 — Dund shurgakhyn am; 7 — Khovuzhuk-Aksy; 8 — Godon-gol; 9 — Nuurtyн div; 10 — Unkheltseg; 11 — Davdag hutul; 12 — Yustytsky complex

Важно отметить работу В.В. Волкова и Э.А. Новгородовой [1975] «Оленные камни Ушкийн-Увэра». В ней опубликован схематичный план необычного комплекса (рис. 2.-1), который был найден рядом с херексурами на территории Северной Монголии (рис. 1.-1). Исследователи дали описание выявленных изваяний. В конце статьи ими отмечено, что скопления «оленных» камней «...по всей вероятности, не связаны с погребениями, а входили в состав какого-то культового сооружения, скорее всего, жертвенника» [Волков, Новгородова, 1975: 84]. Дальнейшая масштабная научно-исследовательская деятельность В.В. Волкова [2002] на обширной территории Монголии позволили выявить и опубликовать несколько комплексов, аналогичных Ушкийн-Увэру.

Существенный вклад в изучение традиций ритуального использования «оленных» камней внесли А.А. Ковалев и Д. Эрдэнэбаатар. Результаты нашли отражение в серии статей, а также опубликованы в совместной монографии [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2021]. Одной из основных их заслуг является проведение тщательных раскопок вышеуказанного комплекса Ушкийн-Увэр. В результате была получена наиболее полная информация об особенностях устройства памятника (рис. 2.-2). Исследователи отметили доминирующую роль «оленных» камней на нем. Кроме этого, были приведены доказательства о единстве планировки ансамблей сооружений с изваяниями и ритуально-погребальных комплексов херексуров Центральной Монголии, а также сделан вы-

вод, что «оленные» камни использовались и как маркеры кенотафов [Ковалев, Эрдэнэбаатар, Рукавишникова, 2016: 92].

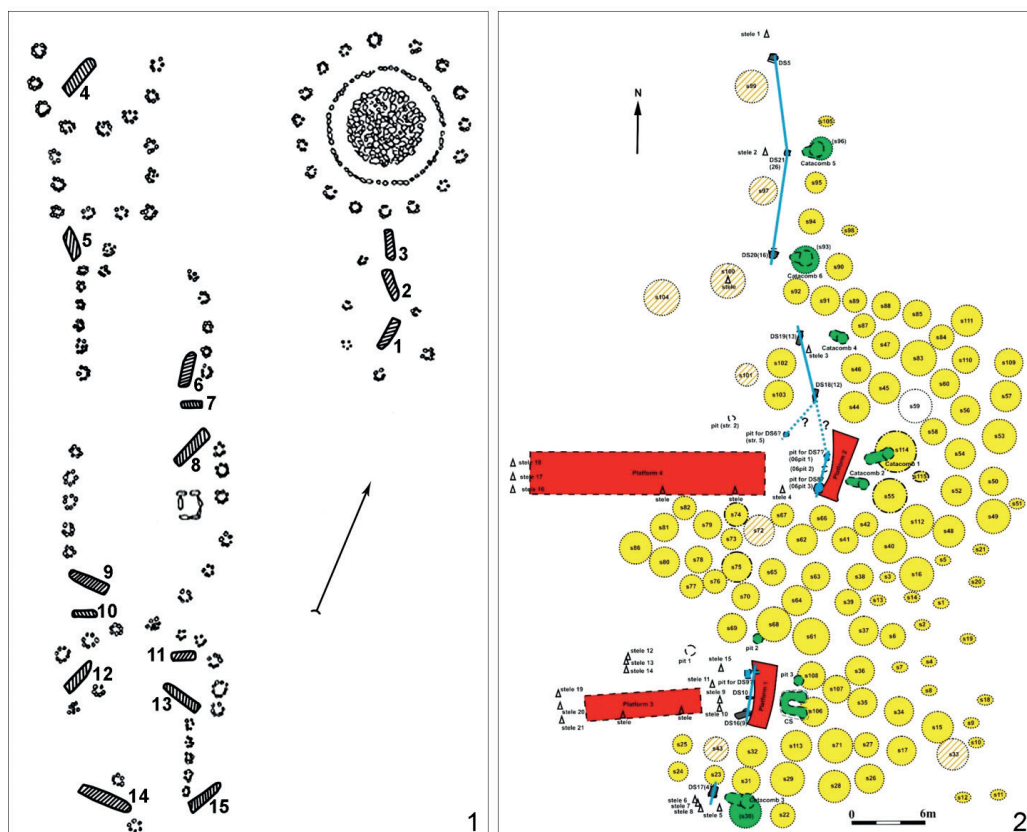

Рис. 2. Ушкийн-Увэр: 1 — план В. В. Волкова и Э. А. Новгородовой [1975, рис. 1];

2 — план А. А. Ковалеа и Д. Эрдэнэбаатара [2021, ис. 2 на с. 139]

Fig. 2. Ushkin-Uver: 1 — the plan of V. V. Volkov and E. A. Novgorodova [1975, fig. 1];

2 — the plan of A. A. Kovalea and D. Erdenebatar
[2021, is. 2 on page 139]

В 1979 г. вышла монография В. Д. Кубарева, в которой были представлены результаты обследований и раскопок на Юстыдском комплексе, находящемся на территории Юго-Восточного Алтая (рис. 1.-12). Опубликованный схематичный план памятника (рис. 3.-1) демонстрировал ситуацию, схожую с той, которая ранее была отмечена В. В. Волковым и Э. А. Новгородовой [1975, рис. 1] на Ушкийн-Увэре. В ходе экспедиционных работ были найдены орудия труда, остатки более 30 «оленных» камней и зафиксировано более 100 кольцевых выкладок [Кубарев, 1979: 16, рис. 3–10]. Современное состояние Юстыдского комплекса отражено на рисунке 3 (все фотоснимки археологических объектов, демонстрируемые в данной статье, выполнены А. А. Тишки-

ным). Планируется дальнейшее детальное изучение его и ранее полученных находок с помощью цифровых технологий.

Публикация трехтомного каталога «оленных» камней Монголии и анализ привлеченных аналогичных материалов из соседних территорий [Монгол..., 2021; Төрбат и др., 2021] хорошо демонстрирует широкое распространение мемориальных комплексов древних кочевников на территории Внутренней Азии. Эти данные и имеющийся опыт создают основу для целенаправленного выявления и исследования рассматриваемых археологических объектов.

Результаты исследований

В ходе экспедиционных работ нами был обследован ряд мемориальных комплексов. Предварительно можно выделить несколько типов таких памятников исходя из размеров занимаемой территории, а также по числу «оленных» камней, наличию и особенностям других сооружений. Например, в долине Годон-гола (местность Цагаан асгат, Баян-Ульгийский аймак Монголии) выявлены остатки более 150 изваяний и стел (рис. 1.-8), размещенных примерно в одну дугообразную линию рядом с херексурами (рис. 4.-1–2), самый крупный из которых имеет лучи-дорожки от кольцевой ограды к центральной насыпи. Данный комплекс неоднократно обследовался многими археологами. В 2015 г. под руководством одного из авторов статьи там была выполнена пробная микалентная копия плоскости публикуемого ниже «оленного» камня. Географические координаты памятника, полученные с помощью GPS-приемника, такие: N — 48°30'22.263"; E — 88°57'2.566". Неподалеку находится много разных погребально-поминальные комплексы.

Осенью 2023 г. удалось осуществить фотограмметрию нескольких «оленных» камней. Рендеры и компьютерные графические прорисовки четырех древних изваяний публикуются впервые (рис. 5–7). Прежде чем их представить стоит дать небольшие пояснения. Фотограмметрия осуществлялась фотоаппаратом SONY ILCE-7RM4A с объективом 55 мм и кольцевой фотовспышкой. На реальном объекте невооруженным глазом выбивка заметна далеко не везде, а при обычном фотографировании и при типографской печати неизбежна потеря информации. Поэтому мы используем для презентации имеющихся композиций компьютерную подсветку выбитых контуров. Она формируется с помощью наложения реального и просчитываемого изображения при дальнейшем их совмещении по специальному алгоритму, который позволяет не перекрывать основную текстуру и в то же время дает представление о нахождении рисунков на ее поверхности (все рендеры и графические прорисовки сделаны для статьи С. Ю. Бондаренко).

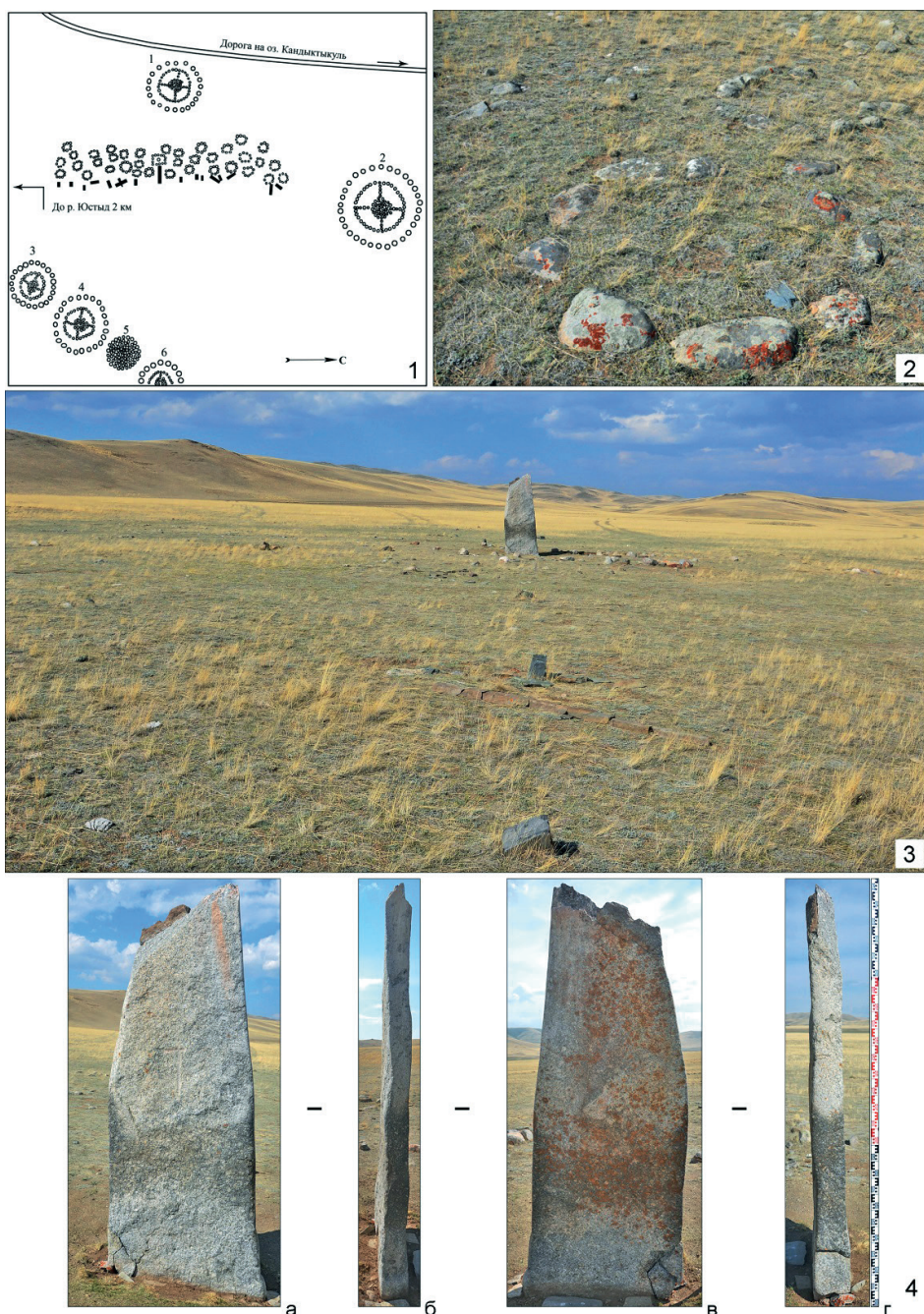

Рис. 3. Юстыдский комплекс. 1 — часть глазомерного плана (по: [Кубарев, 1979, рис. 3]),
2–4 — поминальники, современный вид и центральный «оленный» камень
Fig. 3. The Yustydy complex. 1 is a part of the eye plan (according to [Kubarev, 1979, Fig. 3]),
2–4 are memorial monuments, a modern view and a central «deer» stone

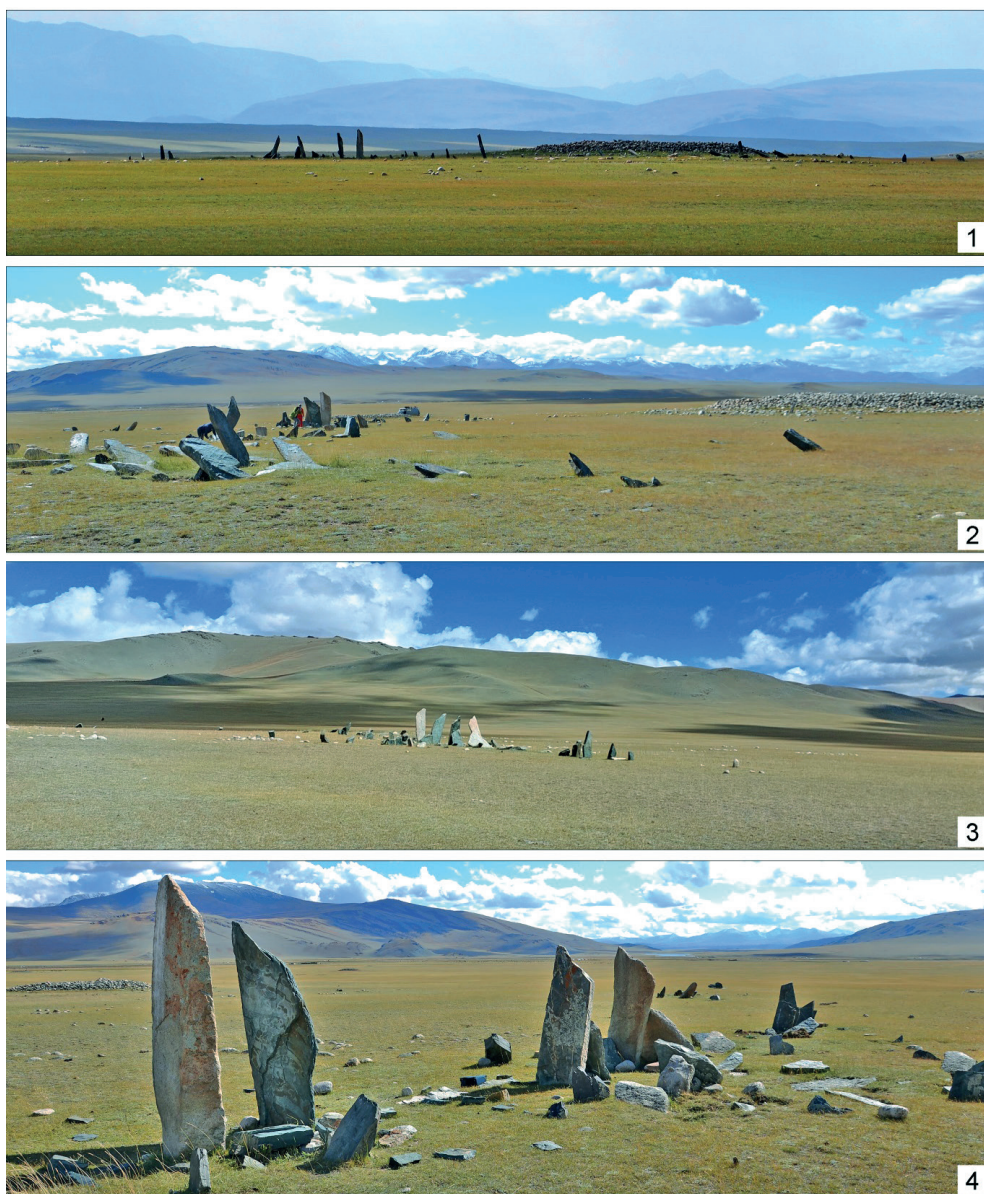

Рис. 4. Остатки изваяний и стел в долине Годон-гола на северо-западе Монгольского Алтая
(виды с разных сторон)

Fig. 4. The remains of sculptures and steles in the Hodon Gol valley in the north-west of the
Mongolian Altai (views from different sides)

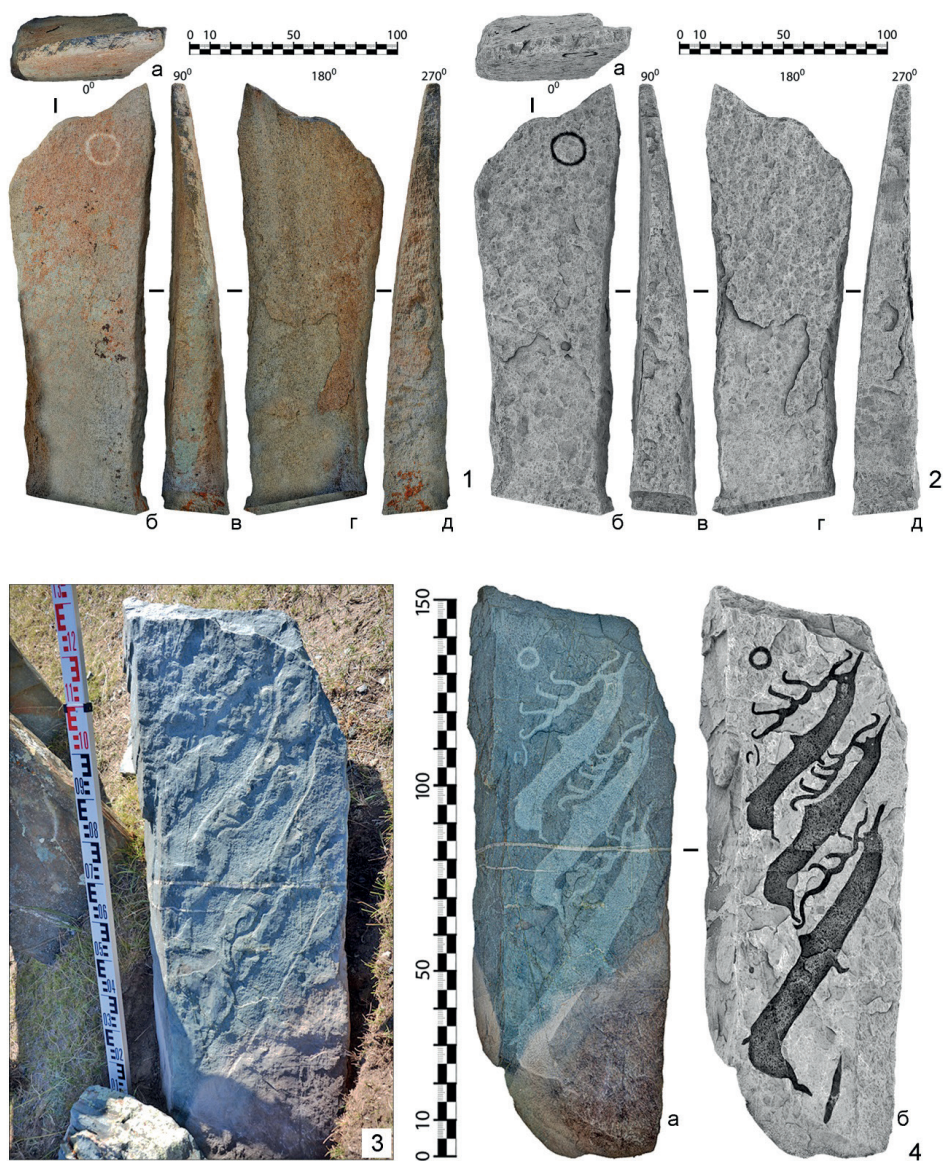

Рис. 5. Годон-гольский мемориальный комплекс. «Оленные» камни:

1 — простое изваяние; 2 — часть наклонной плиты

Fig. 5. The Godongola Memorial Complex. «Deer» stones:

1 — a simple sculpture; 2 — part of an inclined slab

Рис. 6. Годон-гольский мемориальный комплекс. «Олений» камень:

1 — рендер ортогональных видов изваяния с подсветкой выбивки;

2 — компьютерная прорисовка выбитых контуров

Fig. 6. The Godongola Memorial Complex. "The Deer" Stone:

1 — rendering of orthogonal views of the sculpture with illumination of the embossing;

2 — computer drawing of the embossed contours

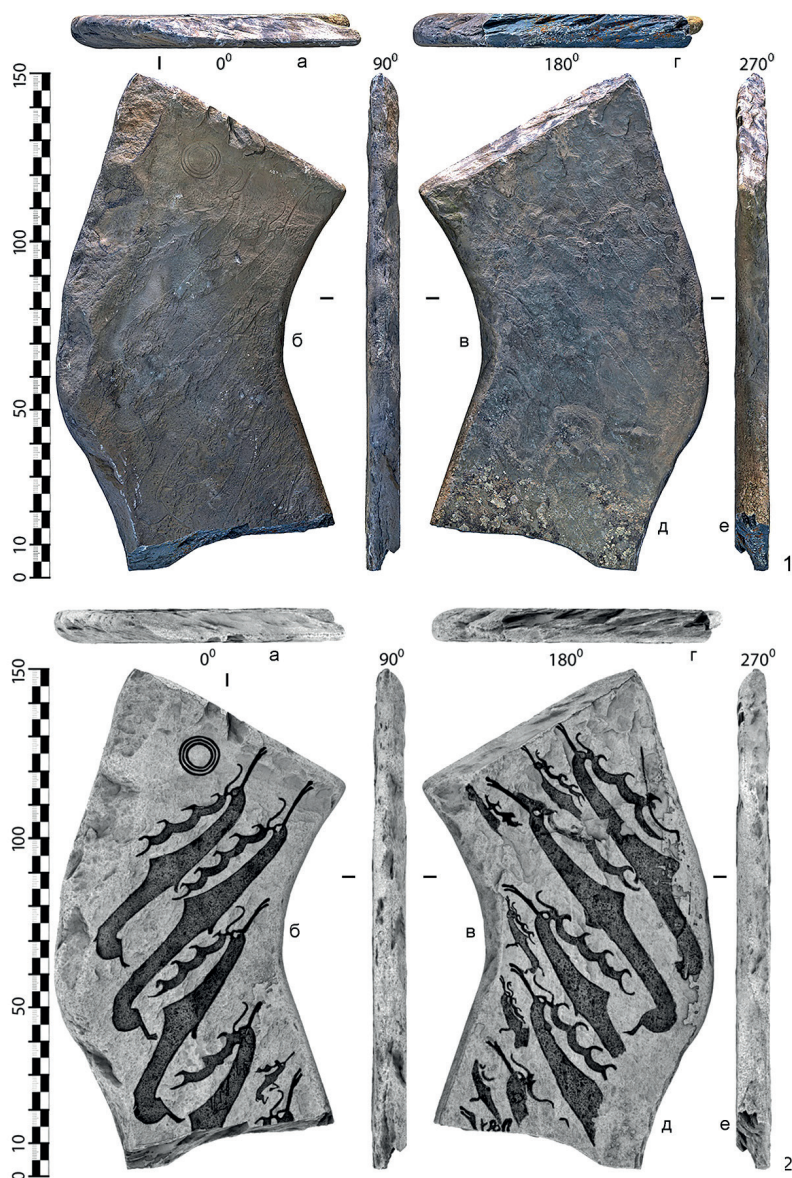

Рис. 7. Фрагмент «оленного» камня: 1 — рендер ортогональных видов изваяния с подсветкой выбивки; 2 — компьютерная прорисовка выбитых контуров
 Fig. 7. Fragment of the "deer" stone: 1 — rendering of orthogonal views of the sculpture with illuminated embossing; 2 — computer drawing of the embossed contours

Первое публикуемое изваяние стоит почти в центре цепочки (рис. 4.-3-4) и представляет собой грубо обработанную стелу (видимые размеры — 206×70×32,5 см). Отражена узнаваемая форма «оленного» камня со скошенным верхом (рис. 5.-1). Поверх-

ность обелиска сильно эродирована и склонна к отслаиванию. Несмотря на детально проведенную фотограмметрию и высокую полигональность полученной модели, какие-либо изображения не были выявлены (рис. 5.-1, 2). Только в верхней части на одной из широких сторон зафиксирована серьга в виде кольца (диаметр 17 см, ширина линии выбивки 1,2–1,4 см). По всей видимости, данный «оленный» камень является одним из простых образцов, характерных для периферии их распространения [Тишкин и др., 2024].

Следующий «оленный» камень находился в полулежачем положении (рис. 5.-3), поэтому фотограмметрия осуществлялась только для трех смежных граней. Было сделано более 300 фотоснимков и создана модель в 300 млн полигонов, демонстрирующая высокую детализацию поверхности (рис. 5.-4а). На публикуемой прорисовке одной из широких сторон (рис. 5.-4б) отражены имеющиеся изображения. В верхней части располагается небольшое кольцо (серьга) диаметром 6,3 см (ширина линии выбивки 1,2 см). Ниже размещены три полных фигуры стилизованных оленей (размерами 56×25 см, 60×22 см, 79×35 см). Самое нижнее изображение крупнее, чем следующие, что создает иллюзию перспективы и движения этой группы символических животных. Основная часть их выбивки, кроме некоторых мест, сохранилась неплохо. Камни такого типа стойки к атмосферным воздействиям и отслаиванию. К сожалению, изображения второй стороны остались не зафиксированными.

Еще одно изваяние находится в вертикальном положении с небольшим наклоном (рис. 4.-4). Учитывая плохую сохранность каменной поверхности и то, что выбивка сделана крайне неглубоко (она больше видна в оптическом диапазоне как светлая часть, чем как впадины), фотограмметрия осуществлялась особым образом. Была выполнено более 1000 снимков и получена модель в 2 млрд полигонов, что позволило максимально точно и полно выявить изображения (рис. 6.-1, 2). Стела имеет такие видимые размеры 228×91,5×20 см. Она является плоским камнем, заостренным сверху и с грубо обработанными узкими гранями для придания изваянию нужной формы (рис. 6.-1а–д). На одной из широких сторон заметны остатки двух концентрических окружностей диаметром 12 и 15 см, процарапанных линией шириной 0,4–0,5 см, которые практически не создают впадин и выглядят незаконченными. На всей этой плоскости по ширине расположены семь изображений стилизованных фигур оленей разной степени сохранности, имеющие размеры от 50 до 97 см в длину и от 12 до 35 см в высоту (рис. 6.-1б, 2б).

Нижние выбивки выполнены слишком близко друг к другу для того, чтобы поместить их целиком. Головы у этих оленей отсутствуют, как и место, где они могли бы быть выбиты. Возможно, важнее было отразить определенное их число (на обеих сторонах по семь фигур). Также на этой стороне видны современные вандальные надписи, цифры и рисунки (рис. 6.-1б), которые пришлось отсеивать вручную на этапе прорисовки (рис. 6.-2). На противоположной стороне расположены семь стилизованных фигур оленей с такими размерами: длина от 75 до 94 см, высота от 16 до 30 см (рис. 6.-1г, 2г). Поверхность камня имеет плоскостные сколы, и она дополнительно не обрабатывалась, что отразилось на специфике нанесенных изображений. Стоит заметить, что эту плоскость вандалы почему-то вообще не тронули. Торцевые стороны изваяния не имеют изображений (рис. 6.-1а, в, д; 2а, в, д).

При осмотре насыпи ближайшего херексура (рис. 4.-1, 2) П. Эрдэнэпурэв в западной центральной части обнаружил обломок верхней части ранее неизвестного «оленного» камня. Находка представляет собой плоскую плиту дугообразной формы размерами 147×85,5×10,5 см. Было сделано более 750 фотоснимков, на основании которых сформирована 3D-модель из 1,7 млрд полигонов, что обеспечило очень высокую степень детализации (рис. 7.-1) и способствовало качеству графической прорисовки с помощью специальной компьютерной программы (рис. 7.-2). Выбор такого подхода основывался на том, что поверхность изваяния изначально была темной и в некоторых местах разрушенной. Линии выбивки оказались нечеткими, и они не все точно определялись в полевых условиях при естественном освещении. Поверхность найденной части «оленного» камня до нанесения изображений обрабатывалась. Вероятно, ему специально придали именно такую дугообразную форму и оформили верхнюю часть перпендикулярно линиям сторон (рис. 7.-1а, д, е; 2а, б, д). К сожалению, нижняя часть изваяния не была нами найдена. Поэтому непонятно, какая форма могла быть у целого изваяния. В качестве предположения можно указать, что утерянная часть невелика. Камень достаточно тонкий и хрупкий (рис. 7.-1в, г, е; 2 в, г, е), а вид «бумеранга» также не предполагает дальнейшего развития нижней части. Подобная форма не является оригинальной. Ее можно увидеть среди опубликованных «оленных» камней [Монгол..., 2021].

На одной широкой стороне рассматриваемого изваяния (рис. 7.-1б; 2б), вверху, левее осевой линии, изображена серьга в виде трех концентрических окружностей (диаметры — около 8, 10 и 12 см, ширина четких линий — 0,5 см). Ниже расположены три целых фигуры стилизованных оленей (размерами 78×22 см, 91×26 см и 75×24 см), а также только передняя часть четвертого (размерами 44×20 см). Изображение пятого животного маленькое (18×8,5 см), но оно выполнено очень подробно и в деталях отличается от предыдущих силуэтов. В самом низу, у слома, сохранилась только клювовидная морда еще одного оленя. Противоположная сторона (рис. 7.-1д; 2д) имеет отдельные повреждения поверхности, что привело к утрате части изображений. Она содержит выбивки разных фигур стилизованных оленей. Сохранились два полных и крупных изображения (размерами 84×16 см и 91×22 см). У двух поменьше остались передние части (60×21 см и 58×17 см), а у третьего только голова с фрагментами рогов (28×12 см). Еще в разных местах выявлены пять маленьких фигурок оленей с частично утраченными деталями (размерами 27×8 см, 16×8 см, 25×9 см, 22×9 см, 20×10 см). Также в самом низу, у слома, просматривается часть выбивки еще одного животного, вероятнее всего, аналогичного более крупным силуэтам. Судя по полученным изображениям (рис. 7), на обнаруженном крупном фрагменте «оленного» камня было не менее 17 фигур.

Аналогичные древние изваяния так называемого монголо-забайкальского типа, зафиксированные на рассмотренном Годон-гольском мемориальном комплексе, были широко распространены на территории Внутренней Азии [Турбат и др., 2021]. Необходимо продолжить исследования данного памятника для возможной реконструкции, а также дальнейшего выявления, документирования и изучения «оленных» камней на масштабном их скоплении.

Самым известным мемориальным комплексом в Центральной Монголии, по всей видимости, является Жаргалантын ам (рис. 1.-3). Судя по размерам и числу «оленных»

камней [Төрбат и др., 2011], он может быть отнесен к крупным памятникам рассматриваемого плана.

В ходе систематических обследований относительно часто встречались мемориальные комплексы «средних» размеров, где располагалось около 10 «оленных» камней. В качестве примера приведем опубликованные результаты детального исследования комплекса Суртийн дэнж (рис. 1.-2) на территории Северной Монголии, неподалеку от Ушкийн-Увэра. Его основу составлял ряд, как минимум, из шести «оленных» камней, возле которых позднее были установлены еще два изваяния [Ковалев, Эрдэнэбаатра, 2021, с. 51–52, рис. 2, 9–11]. Этот ряд дополняли 13 жертвенников и 18 кольцевых выкладок.

Этот пример можно дополнить фотоснимками вышеупомянутого и хорошо известного памятника Дааган дэл (рис. 8.-1, 2), на котором также установлены восемь «оленных» камней (может быть, с этим связана какая-то мифологизированная история?).

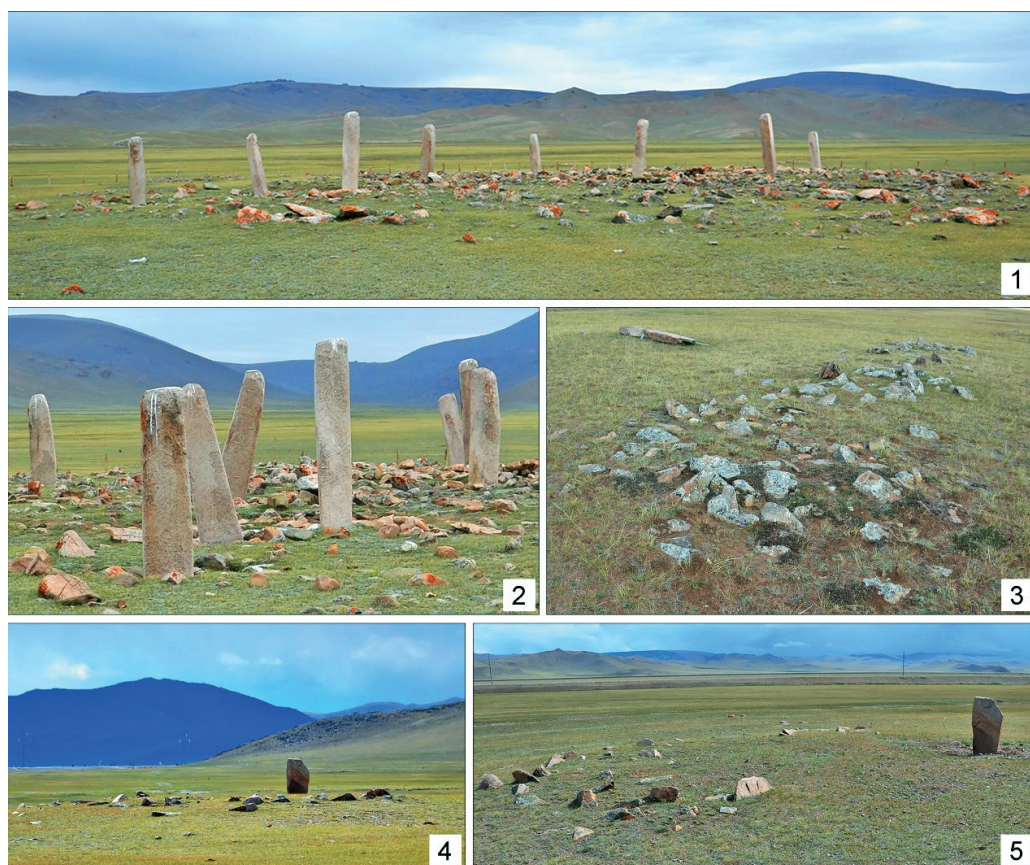

Рис. 8. Мемориальные комплексы на памятниках Дааган дэл (1, 2) и Дунд шургахын ам (3–5) в Завханском аймаке Монголии

Fig. 8. Memorial complexes at Daagan del (1, 2) and Dund shurgahyn am (3–5) monuments in Zavkhan Aimag of Mongolia

Рис. 9. Скопления «оленных» камней: 1 — у пос. Баян зурх; 2 — в местности Нууртын дөв;
3 — у Тавтын хутула

Fig. 9. Clusters of «deer» stones: 1st village Bayan zurkh; 2 — in the area of Nuurtyn dev;
3 — at Tavtyn hutula

По всей видимости, аналогичный, но сильно разрушенный мемориальный комплекс располагался на памятнике Хушуун дэнж-04 (рис. 1.-4) в Центральной Монголии. Об этом свидетельствуют результаты проведенных там работ [Тишкин и др., 2024].

Нами также обследовались малые мемориальные комплексы, где находилось от двух до пяти изваяний, а также персональные — вообще с одним «оленным» камнем. На последние объекты стоит обратить особое внимание, так как их устройство демонстрирует составляющую единицу при формировании более крупных образований. Серия персональных мемориальных комплексов (рис. 8.-3–5) находится на памятнике Дунд шургахын ам, расположенном в Центральной Монголии (рис. 1.-6) [Монгол..., 2021].

Мемориальные комплексы с «олеными» камнями обнаружены в урочище Ховужук-Аксы (рис. 1.-7) на юге Тувы. Один из таких объектов с двумя изваяниями в сопровождении ритуальных каменных выкладок тщательно раскопан и опубликован [Килуновская, 2021: 93–98, рис. 1.-32]. Дальнейшие обследования зафиксированных памятников [Килуновская, 2021, рис. 2], в том числе с участием некоторых авторов статьи, позволили выявить более крупные мемориальные комплексы, которые оказались разрушены. Основным свидетельством этого стало существенное число выявленных «оленных» камней, а также места первоначального размещения таких изваяний.

Следует отметить, что некоторые «оленные» камни произвольно были установлены уже в современный период исходя из разных обстоятельств. Для примера приведем фото такого скопления у поселка Баян зурх (рис. 9.-1) и укажем на объект с названием Унхэлцэг (рис. 1.-10) [Монгол..., 2021]. В данной ситуации не нужно их путать с рассматриваемым типом памятников.

Кроме этого, часто «оленные» камни обнаруживаются на перевалах или рядом с ними. Такая ситуация фиксировалась на изученных нами памятниках Давдаг хутул (рис. 1.-11), Нууртын дөв (рис. 1.-9; 9.-2), Тавтын хутул (рис. 9.-3) и др. Такие объекты могли выполнять другую роль.

Заключение

Представленная информация позволяет предварительно выделить, как минимум, пять условных групп мемориальных комплексов древних кочевников на территории Внутренней Азии: масштабные, крупные, средние, малые и одиночные. Они, по всей вероятности, могут отражать разный уровень значимости для существовавших кочевых социумов (от сакральных центров больших объединений до родовых (клановых, семейных) и индивидуальных).

Где-то такие памятники сохранились более-менее полностью, где-то лишь частично, а где-то были практически полностью разрушены. Но масштабность данного явления прослеживается четко. Такая ситуация может свидетельствовать о реализации мифологизированной доктрины в объединении высокого социального уровня. Мемориальные комплексы численно преобладают в Центральной и Северной Монголии, но они есть и западнее на территории Монгольского Алтая. Такая локализация может свидетельствовать о наличии дуального деления в архаичной кочевой империи, памятники которой рассматриваются в рамках культуры херексуров и «оленных» камней.

Под мемориальным комплексом древних кочевников в представленном контексте мы понимаем специально организованный объект с размещенными «оленными» кам-

нями и разными каменными конструкциями (платформы, жертвенники, поминальники и др.), которые сооружены для сохранения памяти об выдающихся людях и важных событиях. В связи с тем, что оформленные изваяния олицетворяют в основном воинов, то рассматриваемые памятники вполне можно обозначать и как древние военные мемориалы (*memoralis* с латинского языка переводится как памятный). В их планиграфии прослеживаются закономерности и определенные архитектурные решения, а также отражено смысловое содержание (вполне возможно, мифологизированное) и выполнены ритуально реализованные действия не только отдельной группой людей, но и крупным социумом во Внутренней Азии в рамках общей идеологической линии. Такие комплексы играли важную объединяющую роль, являлись местом проведения необходимых ритуалов и мероприятий. Такая практика была широко распространена в древности и сохранилась до наших дней.

Обозначенная тема требует дальнейшего системного изучения. Необходимо проведение раскопок и использования современных методов, что существенно дополнит сведения археологических обследований.

Благодарности и финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22–18–00470–П «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Acknowledgements and funding

The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 22–18–00470–P “The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy”)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Волков В. В. Оленные камни Монголии. М. : Научный мир, 2002. 248 с.
- Волков В. В., Новгородова Э. А. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // Первобытная археология Сибири. Л. : Наука, 1975. С. 78–84.
- Килуновская М. Е. Комплекс с оленными камнями на могильнике Ховужук-Аксы (Овюрский хошуун Республики Тыва) // Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни в ритуале древних кочевников Монголии. Харь говь, Суртийн дэнж. СПб. : СПбГМИСР, 2021. С. 93–115.
- Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни в ритуале древних кочевников Монголии. Харь говь, Суртийн дэнж. СПб. : СПбГМИСР, 2021. 160 с.
- Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д., Рукавишникова И. В. Состав и композиция сооружений ритуального комплекса с оленными камнями Ушкийн-Увэр (по результатам исследований 2013 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 1. С. 82–92.
- Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск : Наука, 1979. 120 с.
- Позднеев А. М. Монголия и монголы: результаты поездки в Монголию, исполн. в 1892–1893 гг. А. Позднеевым. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1896. Т. 1. 697 с.

Тишкин А.А., Идэрхангай Т.-О., Бондаренко С.Ю., Горбунов В.В., Эрдэнэпүрэв П., Цэнд Д., Энхзул Ж. Результаты исследований на памятнике Хушуун дэнж-04 (Центральная Монголия): плановые работы и сенсационные находки // *Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до средневековья*. СПб. : ИИМК РАН, 2024. С. 260–263.

Тишкин А.А., Табалдиев К.Ш., Бондаренко С.Ю., Бообек уулу Б. Современное документирование простых «оленных» камней в Кыргызстане // *Теория и практика археологических исследований*. 2024. Т. 36, № 1. С. 212–223. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(1\).-11](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(1).-11)

Монгол ба бүс нутгийн буган хушууний соёл: Эрдэм шинжилгээний каталог. Боть I–II [Культура оленных камней в Монголии и за ее пределами : академический каталог. Тома I–II]. Улаанбаатар : Адмон ХХК, 2021. 496 с. (на монг. яз.).

Төрбат Ц., Баярсайхан Ж., Батсүх Д., Баярхүү Н. Жаргалантын амны буган хошоод [Оленные камни Жаргалантын-ам]. Улаанбаатар : NOMKHUR, 2011. 192 с. (на монг. яз.)

Төрбат Ц., Гантулга Ж., Баярхүү Н., Батсүх Д., Төрбаяр Н., Эрдэнэ-Очир Н., Батболд Н., Цэлхагарав Ц. Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл [Монгольская и региональная культура памятников оленеводства]. Улаанбаатар : Мөнхийн үсэг, 2021. Т. III. 448 с. (на монг. яз.).

REFERENCES

Kilunovskaia M. E. Kompleks s olennymi kamnyami na mogil'nike Khovuzhuk-Aksy (Oviurskii khoshuun Respubliki Tyva) [Complex with deer stones at the Khovuzhuk-Aksy burial ground (Ovyur khoshun of the Republic of Tyva)]. Kovalev A. A., Erdenebaatar D. *Olennye kamni v rituale drevnikh kochevnikov Mongolii. Khar' gov', Surtiin denzh* [Kovalev A. A., Erdenebaatar D. Deer stones in the ritual of the ancient nomads of Mongolia. Black River, Surat Terrace]. Saint Petersburg: SPbGMISR, 2021, pp. 93–115 (in Russian).

Kovalev A. A., Erdenebaatar D. *Olennye kamni v rituale drevnikh kochevnikov Mongolii. Khar' gov', Surtiin denzh* [Deer stones in the ritual of the ancient nomads of Mongolia. Black River, Surat Terrace]. Saint Petersburg: SPbGMISR, 2021, 160 p. (in Russian).

Kovalev A. A., Erdenebaatar D., Rukavishnikova I. V. Sostav i kompozitsiya sooruzhenii ritual'nogo kompleksa s olennymi kamnyami Ushkiin-Uver (po rezul'tatam issledovaniy 2013 g.) [Composition and compositional equipment of the ritual complex with deer stones of Uski-Uver (based on research results in 2013)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2016, no. 1, pp. 82–92 (in Russian).

Kubarev V. D. *Drevnie izvaianiya Altaya (Olennye kamni)* [Ancient sculptures of Altai (Deer stones)]. Novosibirsk: Nauka, 1979, 120 p. (in Russian).

Pozdneev A. M. *Mongoliya i mongoly: rezul'taty poezdki v Mongoliyu, ispoln. v 1892–1893 gg. A. Pozdneevym* [Mongolia and self-designation: the results of a trip to Mongolia, in full. From 1892–1893 by A. Pozdneev] Saint Petersburg: tip. Imp. Akad. nauk. 1896, vol. 1, 697 p. (in Russian).

Tishkin A. A., Iderkhangai T.-O., Bondarenko S. Yu., Gorbunov V. V., Erdenepurev P., Tsend D., Enkhzul Zh. Rezul'taty issledovaniy na pamyatnike Khushuun denzh-04 (Tsentral'naya Mongoliya): planovye raboty i sensatsionnye nakhodki [Research results at the Khushuun denzh-04 monument (Central Mongolia): planned work and sensational finds].

Kul'tury i tsivilizatsii Tsentral'noi Azii ot neolita do srednevekov'ya [Culture and civilization of Central Asia FROM the Neolithic to the Middle Ages]. Saint Petersburg: IIMK RAN, 2024, pp. 260–263 (in Russian).

Tishkin A. A., Tabaldiev K. Sh., Bondarenko S. Iu., Boobek uulu B. Sovremennoe dokumentirovanie prostykh “olennykh” kamnei v Kyrgyzstane [Modern documentation of simple “deer” stones in Kyrgyzstan] *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovani* [Theory and Practice of archaeological research]. 2024, vol. 36, no. 1, pp. 212–223. <https://doi.org/10.14258/tpai> (2024) 36 (1).–11

Volkov V. V. *Olennye kamni Mongolii* [The deer stones of Mongolia]. Moscow: Nauchnyi mir, 2002, 248 p. (in Russian).

Volkov V. V., Novgorodova E. A. Olennye kamni Ushkiin-Uvera (Mongoliia) [The deer stones of Uski-Uvera (Mongolia)]. *Pervobytnaia arkheologiia Sibiri* [Historical archeology of Siberia.]. Leningrad: Nauka, 1975, pp. 78–84 (in Russian).

Mongol ba bus nutgiin bugan khushuunii soel: Erdem shinzhilgeenii katalog. Bot' I–II [Deer stone culture in Mongolia and beyond: an academic catalog. Volumes I–II]. Ulaanbaatar: Admon KhKhK, 2021, 496 p. (in Mongolian).

Tөрбат Ts., Baiarsaikhan Zh., Batsykh D., Baiarkhyi N. *Zhargalantyn amny bugan khoshood* [Deer Stones Jargalantyn-am]. Ulaanbaatar: NOMKHUR, 2011, 192 p. (in Mongolian).

Tөрбат Ts., Gantulga Zh., Baiarkhyi N., Batsykh D., Төрбаиар N., Erdene-Ochir N., Batbold N., Tselkhagarav Ts. *Mongol ba bys nutgiin bugan khoshoonii soel* [Mongolian and regional culture of reindeer husbandry monuments]. Ulaanbaatar: Мөнххиin үсег, 2021, vol. III, 448 p. (in Mongolian).

Статья поступила в редакцию: 28.06.2025

Принята к публикации: 29.08.2025

Дата публикации: 30.09.2025